

Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта : пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.

Федеральные государственные образовательные стандарты [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 23.01.2020).

ACHIEVING THE GOAL TO FORM AN EMOTIVE AND REFLECTIVE VOCABULARY IN THE TEACHING MATERIALS FOR RUSSIAN LANGUAGE FOR THE BASIC SCHOOL (CASE OF THE TEACHING MATERIALS “RUSSIAN LANGUAGE” EDITED BY E.A. BYSTROVA)

Emotional intelligence becomes one of the trends in modern Russian education. It is both an awareness of various emotional states existence as well as the ability to distinguish between them, the ability to identify one’s own emotions, and to manifest empathy, or to feel other people’s feelings. Emotive and reflexive vocabulary are important parts of emotional intelligence. We analyze and evaluate textbooks for the fifth grade Russian language courses in regards to the quality of forming trainee’s emotive vocabulary.

Key words: emotive vocabulary; reflexive vocabulary; emotional intelligence; vocabulary; teaching of Russian; textbooks; basic school.

УДК 372.881.161.1

**АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ
В СОВЕТСКОМ ПОСЛЕВОЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Е.С. Абраменкова

*Научный руководитель: Н.А. Аксарина,
кандидат филологических наук, доцент (ТюмГУ)*

В статье исследуются основные направления и особенности речевой культуры личности в осмыслении лингвистической наукой послевоенного времени. Анализируется связь послевоенного и современного языкознания с позиции рассмотрения речевой культуры личности. Делается вывод о важности текстоцентрического подхода в обучении языку, применение которого позволяет проследить характер изменения языковой и речевой нормы, зависимость отбора языковых средств от поставленной коммуникативной задачи, а также способствует развитию языкового вкуса, чутья ребенка.

Ключевые слова: речевая культура; языковая норма; коммуникативная целесообразность; советское послевоенное языкознание; текстоцентрический подход; коммуникативная компетенция.

Одним из условий духовного становления личности, в процессе которого формируется картина мира, осуществляется интеллектуальное и эстетическое развитие, достигается эффективность коммуникативной деятельности, является овладение речевой культурой. Такие широкие возможности данной способности объясняют пристальный интерес к ее

изучению со стороны современной лингвистической науки и методики обучения русскому языку. Однако глубокое понимание предлагаемых сегодня теорий и подходов требует обращения к истокам, которые обнаруживаются в прошлом науки. Изучение опыта ученых, сравнение понимания речевой культуры в предыдущие десятилетия с современными идеями исследователей дают возможность представить те пути, по которым развивается лингвистика, а также определить ориентиры и наметить перспективы развития научного знания о культуре речи.

Одним из важнейших в области серьезной научной разработки проблем культуры речи стал период послевоенных лет. Именно в 1950–1960-е гг. возрождается исследовательский и общественный интерес к языковой норме. Послереволюционное расширение «социального субстрата» (контингента носителей языка), разрастание круга советской интеллигенции, стремление к бесклассовости и демократизму приводят к «усилению потока языковых новшеств, ранее находившихся за пределами литературной речи» [Толстой 1998: 484]. В данных условиях, с одной стороны, возникает необходимость очертить границы нормативности языковых явлений, кодифицировать языковую норму, а с другой – представляется крайне важным учесть социально-диалектное разнообразие новшеств в области языка, оценить их функциональность и значимость и, следовательно, с большой осторожностью применять меры нормативного характера. Такое противоречие в области языковой политики 50–60-х гг. обусловило отказ лингвистов от чисто нормативно-грамматической парадигмы в изучении языка и стало основой для нового понимания речевой культуры.

Во-первых, языковая норма осознается лингвистами как **продукт исторического развития**. Согласно такому пониманию, норма представляет собой результат действия, с одной стороны, внутрилингвистических законов, а с другой – экстралингвистических факторов, определяющих ее устойчивость на определенном этапе развития общества. Подверженность языка внешним воздействиям исключает определение нормы как изолированного и обособленного языкового явления и предполагает определение нормативности «только с учетом исторической смены и исторической изменчивости» [Виноградов 1952: 25]. Именно поэтому осмысление нарушений употребления языковой единицы должно осуществляться как с учетом нормативности и кодификации, так и с социально-исторической точки зрения. Вместе с тем зависимость нормы от внешних факторов дает возможность определить ее как **явление динамическое**. Отражая поступательное движение языка, норма также находится в состоянии постоянного движения и непрерывного изменения. Именно поэтому в качестве основы для «нормализации» языка оказывается совершенно неприменим

«статический срез»: в данном случае нами учитывается лишь синхронический аспект языкового явления, в то время как именно диахронический делает представление о норме цельным [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 36]. Изменение норм русского литературного языка, являющееся следствием динамичности языковой системы, приводит к сосуществованию на определенных этапах развития языка вариантов нормы. Следует отметить, что **категорию вариантности** (как одну из ключевых категорий языковой нормы) лингвистика 50–60-х гг. рассматривала в двух аспектах. О первом понимании «варианта» С.И. Ожегов писал: «В силу ряда причин, вызванных особенностями исторического развития общества, возникали явные неправильности, искажавшие и нарушавшие нормы литературной речи» [Ожегов 1955: 6]. Совершенно иное понимание «вариантности» представлено в работе О.С. Ахмановой, Ю.А. Бельчикова, В.В. Веселитского – «вариантность» как «сосуществование параллельных способов выражения, имеющих общее лингвистическое значение, но различающихся оттенками или сферой употребления» [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 35]. Если в первом аспекте вариант – это отклонение от нормы, то во втором – модификация нормы, для выявления и понимания значимости которой необходимо обращение к характеру ее взаимодействия с носителями языка. При этом закономерным оказывается вопрос о правильности литературного выражения, ответом на который стал выдвинутый В.Г. Костомаровым и А.А. Леонтьевым **критерий «коммуникативной целесообразности»** как ведущий принцип при определении нормативности явления. По мнению лингвистов, поскольку главной задачей языка является выполнение роли средства общения, а всякое общение целенаправленно, то любое речевое проявление должно быть оценено с позиции того, насколько точно оно выполняет свою коммуникативную цель [Костомаров, Леонтьев 1966: 6]. Кроме того, в различных функционально-стилистических условиях одно и то же языковое явление может быть определено индивидуальной или общественно-групповой оценкой как адекватное, недостаточно адекватное или неадекватное вообще. Именно поэтому нормативность языкового явления может быть определена только в контексте, а не в условиях изоляции. Если языковая норма ориентирует носителя в системе языка, то критерий коммуникативной целесообразности выводит его за пределы структуры, в мир «живых» носителей языка разных профессиональных, социальных, возрастных слоев. Стоит отметить, что выделение функционально-оценочного аспекта в понимании языковой нормы становится уверенным шагом в сторону научного осмысления коммуникативного компонента речевой культуры в отечественной лингвистике.

Выход за границы декретно-нормативного подхода делает необходимым поиск способов, которые бы позволили избежать эмпиризма и субъективных оценок, лишенных научной убедительности, в оценке нормативности/ненормативности языковых явлений. Именно поэтому одним из направлений в осмыслении нормы и культуры речи вообще становится **формирование научно-теоретической базы**, «которая бы могла служить руководством в речевой практике» [Ожегов 1955: 13]. Главной целью в рамках данного аспекта стало создание целостной теории речевого поведения, включающей в себя «построение типологий речевых заданий, разграничение форм языка и речи (устная и письменная, монолог и диалог), речевых жанров и стилей, выделение типовых ситуаций и типовых средств общения» [Леонтьев 1969: 76].

Одним из важнейших аспектов в осмыслении речевой культуры личности становится признание **владения системой стилей как основы для освоения и определения языковой нормы**. Знание особенностей стилей речи позволяет судить о границах вариативности языковой нормы, а также объяснять и мотивированные в стилистическом и эстетическом плане отступления от норм литературного языка. В связи с данным аспектом в 50–60 е гг. внимание лингвистов занимает развитие науки о «языке писателей» [Виноградов 1952: 25]. Данное направление представляется перспективным в силу того, что оно содействует глубокому погружению в мир творческого своеобразия автора, а также позволяет изучить закономерности развития языка определенной эпохи. Вместе с тем владение системой стилей речи делает возможным свободное и творческое употребление языковых средств [Винокур 1967: 10].

Важным направлением в исследовании культуры речи в послевоенный период становится вопрос о **развитии языкового чутья**. В.Г. Костомаров и А.А. Леонтьев связывают данную способность с личной и общественной оценкой «функциональной адекватности» речевого высказывания. Объективность этой оценки и определяется «системой языковых представлений» у носителя языка. При этом «языковое чутье» не является врожденным, а формируется «в результате языковой практики» [Костомаров, Леонтьев 1966: 13].

Итак, осмысление речевой культуры личности в послевоенный период осуществляется в границах нормативного и коммуникативного компонента речевой культуры. Рассмотрение категории нормативности в данных аспектах стало серьезным шагом вперед в истории советского языкознания и послужило основой для активно развивающейся в последние два десятилетия теории функциональной социолингвистики. Основываясь на тезисе о социальной обусловленной изменчивости литературной нормы, лингвисты предлагают рассматривать ее в структуре

«система-норма-узус». Социолингвисты, конкретизируя идею 50–60-х гг., исследуют вариантность нормы с точки зрения «распределения вариантов в социальных группах говорящих и динамики их использования в различных условиях общения» [Крысин 2007: 5].

Начало осмысления учеными послевоенного периода коммуникативного компонента речевой культуры личности также послужило основой для современных направлений изучения культуры речи. Выход за границы абстрактной языковой системы повлек за собой обращение к речевой среде и «человеку говорящему», что обусловило появление понятия «языковая личность». Важной составляющей характеристики такой личности является коммуникативная компетенция, включающая в себя умение использовать языковые единицы, опираясь на анализ и оценку их функционально-стилистической целесообразности, что является залогом успешной и эффективной коммуникации. Вместе с тем выделение критерия целесообразности послужило основой теории лингвистического дискурса. Изучение речи, вписанной в коммуникативную ситуацию, невозможно без признания роли функционально-оценочного аспекта в выборе подходящей языковой единицы соответственно речевому контексту [Григорьева 2007: 9].

Исследование языкового чутья в современной лингвистике связывается с понятием «языкового вкуса». Кроме того, внимание лингвистов занимает вопрос об инструментах «формирования и переформирования» языкового чутья «на протяжении всей жизни человека» [Львов 2005: 46]. Анализируя возможные варианты развития «неосознанного владения языковыми закономерностями», М.Р. Львов отмечает значительную роль школьного образования в развитии языкового чутья, вкуса и речевой культуры вообще [Львов 2005: 46].

В настоящее время в системе обучения русскому языку прослеживается следующая тенденция: создавая речевое произведение, школьник выносит на первый план нормативный компонент речевой культуры. Вторичным по значимости в этом случае становится вопрос о логике построения собственного речевого высказывания, об уместном употреблении функциональных стилей языка, о выборе языковых средств, наиболее подходящих с точки зрения реализации коммуникативной цели. В этом случае «полученный текст, сохраняющий нормативное состояние языка, все же нельзя квалифицировать как текст» [Крайник 2009: 78]. Важнейшая причина этого явления кроется в утрате «текстовой базы языкового образования» [Львов 2005: 48]. Оказываясь за границами бытового речевого поведения, современный носитель языка попадает в условия, когда владения лишь нормой оказывается недостаточно и требуется определенный уровень культуры, знания, речи. В этом случае становится необходимым владение художественным текстом, который

представляет собой систему реализаций языка в различных речевых ситуациях. Н.С. Болотнова писала: «Именно в тексте как речевом произведении, имеющем определенную жанровую форму, коммуникативно ориентированном на определенную ситуацию и сферу общения, концептуально обусловленном, комплексно фокусируются все вопросы культуры речи, включая нормализацию и качества речи, проявление языковой личности автора и адресата, соотнесенность с живой коммуникативной практикой» [Болотнова 1997: 11]. Именно такое понимание художественного текста положено в основу ныне практикуемого текстоцентрического подхода в обучении языку. Постоянная работа с образцами языкового мастерства оказывается основой для неосознанного развития способности порождать собственные качественные речевые высказывания в письменной и устной форме. Текстоцентрический подход дает возможность познакомиться с особенностями развития речевой культуры в определенную историческую эпоху, индивидуальным речевым стилем автора произведения или изображенного в произведении героя. В этом отношении обращение к художественным текстам оказывается созвучным с развивающейся в послевоенный период наукой о «языке писателя». Вместе с тем изучение речевой культуры через тексты, принадлежащие к разным историческим периодам, позволяет проследить характер изменения языковой и речевой нормы, оценить экстралингвистические процессы, обеспечивающие движение языковой единицы, сделать выводы о том, как складывались ее границы вариативности. Такие возможности текстоцентрического подхода также связаны с достижениями в области осмысления речевой культуры в 50–60-е гг. Кроме того, частое и качественное обращение к художественным образцам позволяет формировать большой запас прецедентных текстов. Необходимость использования этих текстов возникает вследствие стремления добиться своей речевой цели, в основе которого лежит также выдвинутый в послевоенный период принцип коммуникативной целесообразности. Особое значение рассматриваемого подхода заключается в интуитивном усвоении языка на основе языкового чутья. Все читаемые нами тексты, вне зависимости от их качества и количества, откладываются в остаточной читательской памяти и оказывают непосредственное влияние на формирование художественного вкуса.

Отечественная лингвистика послевоенного периода оказала существенное влияние на развитие науки о культуре речи. Обозначенные в 50–60-е гг. направления в осмыслении речевой культуры личности позволили взглянуть совершенно под другим углом на понятие нормы, осуществить «выход» в пространство коммуникации, узнать о функциональности и целесообразности, задуматься об огромном значении

стилистики и заложить основы науки о языковом чутье. О важной роли данного периода в истории развития науки о языке говорит и тот факт, что все выдвинутые тезисы и сформулированные теории тех лет нашли прямое отражение в современной лингвистике и методике обучения русскому языку.

Список литературы

- Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В.* К вопросу о «правильности» речи // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 35–42.
- Болотнова Н.С.* Современное состояние культуры речи и основные направления развития речевой культуры педагога // Проблемы развития речевой культуры педагога : материалы регион. науч.-практ. семинара. – Томск, 1997. – С. 6–18.
- Виноградов В.В.* Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. – 1952. – № 1. – С. 3–40.
- Винокур Г.О.* Из бесед о культуре речи // Русская речь. – 1967. – № 3. – С. 10–14.
- Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
- Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания. – 1966. – № 5. – С. 3–15.
- Крайник О.М.* Культура речи и речевая культура учащихся: к проблеме понимания с позиции текстологии // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 10. – С. 76–80.
- Крысин Л.П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2. – С. 5–17.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
- Львов М.Р.* Языковое чутье как фактор обучения // Русская словесность. – 2005. – № 7. – С. 43–49.
- Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. – 1955. – № 1. – С. 5–33.
- Толстой Н.И.* Вопросы культуры речи в трудах русских лингвистов 20-х годов // Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация : в 3 т. Т. 2. – М., 1998. – С. 484–497.

COMPREHENSION ASPECTS OF A PERSON'S SPEECH CULTURE IN THE SOVIET POST-WAR LINGUISTICS AND THEIR IMAGE IN THE MODERN METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN

The paper discusses the main directions and features of a person's speech culture in comprehension by the linguistic science of the post-war period. We analyze how post-war and modern linguistics understand a person's speech culture. The text-centric approach is very important in language teaching, because it allows us to trace the nature of changes in language and speech standards, the dependence of the selection of language tools on the communicative task, and also contributes to the development of student's linguistic taste and flair.

Key words: speech culture; linguistic norm; communicative expediency; Soviet post-war linguistics; text-centric approach; communicative competence.